

Трансформация протестных движений в условиях цифровизации публичного пространства

Научный руководитель – Момджян Карен Хачикович

Цуркан Евгений Геннадьевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра социальной философии, Москва, Россия

E-mail: unigenitum@mail.ru

Большинство тем, скрепляющих протестную коммуникацию в современных социальных сетях, а именно - борьба за мир, защита окружающей среды, права женщин, отстаивание альтернативных ценностей и норм поведения, коррумпированность и иные дисфункции макросистем общества, были сформулированы в ходе развития «Новых социальных движений» (далее - НСД). Институционализация и оформление устойчивой идеологии (как радикальной, так и умеренной) НСД пришлось на 60-ые годы прошлого века. Именно в этот период истории протестные формы коммуникации, являющиеся основой НСД, становятся системными и получают регулярное воспроизведение, составляя неотъемлемую часть общественной повестки.

Феномен протеста может быть понят как подрыв существующей общественной системы и соответственно описан в терминах «аномии», «общественной дезинтеграции» и «структурного дисбаланса», однако существует и противоположная логика. Протест не революционизирует действующую социальную систему, а выступает механизмом систематической коррекции работы политической, экономической, научной и иных макросистем. Протест - это экспериментирование «снизу», подающее сигналы об общественных дисфункциях, вполне закономерно проявляющихся в работе основных социальных макросистем, корректирующее наблюдение макросистем. «Эта общая идея «коррекции наблюдения» получает самые разные теоретические облачения. Так, структурно-критический подход настаивает на функции вскрытия протестом структурных напряжений или противоречий, возникающих в обществе (А. Турен, Лаклау Э., Муфф Ш., К. Оффе). В системно-коммуникативном подходе функция протеста усматривалась в компенсации социальной дезинтеграции; в ресурсно-мобилизационном подходе активизм и протест рассматривался как ресурс получения и максимизации индивидуальной «прибыли» или «полезности» в сравнении с издержками, связанными с участием в движении; в подходе теории конфликтов протест понимается как коллективный актор, способный, используя собственные ресурсы, занимать политические позиции в рамках данной политической системы; а в символически-интеракционистском подходе протестное движение рассматривается как ключевой фактор социальной динамики, состоящий в борьбе за публичное определение ситуации, как фактор в определении, генерировании и продвижении собственной идентификации, воплощение новых образов жизни» [n1, с. 5].

Рост интенсивности протестной коммуникации, который можно наблюдать начиная со второй половины XX века по наши дни, связан с включением ранее исключённых из социальной коммуникации групп населения. Традиционным для большинства традиционных социальных систем способом работы с девиантными формами поведения и нестандартными ценностями была эксклюзия (исключение, вытеснение) носителей этих форм и ценностей за пределы социальной коммуникации. С появлением и распространением альтернативных массовым источникам информации и новых средств коммуникации маргиналы

наконец получили голос. Кроме того, травма второй мировой войны, связанная с ужасающими формами эксклюзии (концентрационные лагеря, переселения, геноцид), волны миграции и либеральные умонастроения широкой общественности привели к становлению культурных форм терпимости (толерантности) в качестве доминирующих. Одним из критериев общественного прогресса стала инклюзивность общественной коммуникации, включение в коммуникацию ранее не допущенных к ней групп, чему посвящено множество работ Юргена Хабермаса [п2]. Согласно перформативной теории собрания Джудит Батлер, целью политического действия становится включение исключённых ранее групп в политическое поле, устранение политического неравенства возможностей [п3]. Появление интернет-технологий и социальных сетей стало ещё одним шагом на пути к тотальной инклюзии исключённых ранее элементов. Интернет оказывается главным средством инклюзии эксклюдированных, более того интернет-технологии предоставляют возможность формирования общности (интеграции в малых группах) на основании исключённости и «поражённости в правах». В ситуации политического неравенства интересы исключённых групп не учитывались, а их способ существования воспринимался как приватный, то есть недостойный политического внимания. Цифровые медиа трансформируют приватную и публичную сферы, расщепляют различие между ними, что меняет политическую карту общества [п4]. В связи с увеличением инклюзии возрастает интенсивность и роль протестной коммуникации. Общественная дискуссия об определении и переопределении границ допустимого и нормативного поведения окончательно закрепляется в общественной повестке, становится нормальным элементом функционирования социальной системы.

Наступление эпохи цифровизации и рост популярности социальных сетей привели к трансформации как формы, так и содержания протестной коммуникации. Формальная организация, в которой раньше нуждались протестные движения для своего осуществления, была заменена горизонтальной консолидацией вокруг коммуницируемой темы протеста, без чётких критериев принадлежности к определённому протестному движению и без указания условий входа/выхода. Некоторые теоретики пишут об отсутствии не только формальной организации, но и фактических лидеров протеста [п5]. Это делает протест неуничтожимым, поскольку для его прекращения оказывается недостаточным изолировать лидеров протеста и разрушить протестную организацию. Вместе с тем, протест стал более рассеянным, энергия недовольства может быть перенаправлена с одной темы на другую. В около правительственных структурах создаются специальные подразделения, чтобы «перебивая повестку», рассеивать энергию протеста.

Изменилось пространство и время протеста. Пространственная фиксация протеста в эпоху институционализации НСД не представляла труда, поскольку совпадала с телесным присутствием протестующих в определённых местах, где осуществлялся протест - городские улицы, площади и так далее. Современная протестная коммуникация де-локализована, рассеяна в социальных сетях, тематических форумах, специфических сайтах и так далее. Большую проблему для исследователя составляет картография протеста, в которой нельзя ограничиться простой констатацией горизонтальности и некоторого рода спонтанности процесса общественной консолидации вокруг темы протеста, поскольку не смотря на отсутствие общей организационной рамки, коммуникационные возможности в сетях распределены неравным образом. Существуют посредники, которые заполняют структурные дыры, создавая мосты для распространения и продвижения протестной коммуникации [п6], и инфлюенсеры, чьё мнение по многим вопросам обращает на себя внимание гораздо большего количества людей.

Что касается временной фиксации протеста: протест перестаёт быть единовременным событием, он становится «кампанией» [п1] - длительностью, объединённой чувством несправедливости, поражённости в правах и оторванности от механизмов власти. Конечно,

«чувства» как феномена системы индивидуальной психики недостаточно для того, чтобы протестные формы коммуникации приобрели устойчивость. В рамках психики (в непатологических случаях) эмоции не способны аккумулироваться и сохраняться достаточно долго, если нет институтов, переводящих психический мотив в социальную установку, в нормативное ожидание или иную стандартную реакцию на соответствующее стандартное событие.

Источники и литература

- 1) Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения: Монография / А. Ю. Антоновский [и др.]; под ред. К.Х. Момоджян, Р.А. Бараш. – М.: Изд-ва «Русской общество истории и философии наук», 2019. – 271 с.
- 2) Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2001. – 379 с.
- 3) Батлер Д. Заметки к перформативной теории собрания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 248 с.
- 4) Papacharissi Z. A Private Sphere: Democracy in a Digital Age. Cambridge, 2010. – 208 p.
- 5) Lanier J. Ten Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now. New York: Henry Holt and Company, 2018. – 126 с.
- 6) Gonzales-Bailon S., Wang N. Networked disconnected: The anatomy of protest campaigns in social media // Social Networks. 2016. №44. P. 95-104.